

На лодочную станцию они приехали, едва забрезжил рассвет. Несмотря на раннюю весну и на то, что лед только недавно сошел, вдоль берега клубился такой густой туман, что озера под ним почти не было видно. Но Вика быстро поняла причину: судя по ароматному смолисто-му запаху, где-то неподалеку жгли костер, дым от которого стелился над водой. Поэтому сквозь призрачную белую завесу можно было лишь угадать колышущуюся темную массу воды да расслышать ее тихий плеск. Кроме него, не было слышно ни звука. И не видно вокруг ни души. Даже сторож лодочной станции не стал выходить из своей каморки. Лишь выглянул, услышав подъезжающую машину. Убедился, что приехали свои, нажал на пульт, поднимая шлагбаум, и спрятался обратно, подальше от холода и сырости. Клим он хорошо знал — азартный рыбак, Клим приезжал сюда далеко не первый год и, насколько известно Вике, обзавелся собственным боксом для моторной лодки задолго до того, как они познакомились.

Клим подогнал машину к самому берегу — надо было выгрузить снасти и запасы на причал, чтобы

потом забрать их, подъехав уже на лодке. Это было проще, чем перетаскивать все из машины в бокс. И главное, быстрее. Вика в своем положении была Климу не помощница. Точнее, кое-чем по мелочи могла бы помочь, но муж даже слышать об этом не хотел. Как только узнал о ее беременности, стал оберегать, словно хрустальную. Возможно, что и на рыбалку перестал бы брать с собой вплоть до того, что и сам перестал бы ездить, но Вике это доставляло удовольствие, и Клим не стал ей в этом отказывать. Лишь следил за тем, чтобы одевалась как следует.

Кутаясь в штормовку, под которой был ангорский свитер с высоким воротником, Вика вышла из машины на причал. Встала возле растущей горки сложенных там вещей.

— Ты бы не мерзла, посидела пока в машине, — заметил Клим, опуская на причал очередную коробку и глядя на жену снизу вверх.

Вика только улыбнулась ему в ответ. Он тоже ответил ей улыбкой, потом, разогнувшись, подошел и поцеловал. Вика обвила руками его шею, не торопясь отпустить. Вот уже два года они официально женаты, еще почти год до этого жили в гражданском браке, а порой ее охватывала такая нежность к нему, как будто все у них только начинается, не успев утратить своей силы и остроты. Вот и сейчас стоило только взглянуть ему в глаза, у нее даже дыхание перехватило.

— Люблю тебя... — восторженно прошептала Вика, снова потянувшись к его губам, пожалуй, даже слишком красивым и чувственным для муж-

чины. Они ответили ей без единого слова одними только волшебными прикосновениями. Оба замерли, на время совершенно забыв о том, зачем они сюда приехали. Вернуться к реальности их заставил рокот автомобильного мотора. Чужая машина была еще не видна из-за густого тумана, но двигалась явно в их направлении. Потом обозначилась светом фар, пробившимся сквозь слой тумана.

— Конкуренты пожаловали, — улыбнулся Клим, отстраняясь от Вики. — Пойду принесу остатки вещей да отгоню машину от причала, чтобы им место освободить.

— Иди, — кивнула Вика.

Он сделал шаг назад, все еще глядя на нее и держа ее за руки. Потом тихо рассмеялся:

— Мы с тобой прямо как дети, Викуль, — и, отпустив руки, быстрым шагом пошел к машине.

В подъехавшей иномарке в это время распахнулась водительская дверца, откуда с шутливым возмущением прозвучал знакомый звучный голос:

— Убирай свою тележку с дороги, браконьер несчастный!

Рублевы! Высоко вскинув руку, Вика приветственно помахала им с причала. Матвей Рублев посигналил в ответ.

— От браконьеров слышу! — так же шутливо огрызнулся Клим. — Кто первый приехал, того и рыба! А то ишь тут... Копейкины!

— А ты от жадности-то не лопнешь? — возмутился Матвей, вылезая из огромного «Лексуса», который рядом со своим высоким и массивным хозяином смотрелся вполне рядовой машинкой.

— Не лопну, я эластичный.

Продолжая шутливо переругиваться, мужчины уже вдвоем выгрузили вещи поочередно из обеих машин, а Вика поздоровалась с Таней, женой Матвея, и перебросилась с ней несколькими словами о своем, о женском.

— Как самочувствие? — спросила Таня. — Ты бы побереглась, успеешь еще нарыбачиться.

— Когда? — Вика улыбнулась. — Нет, потом точно будет не до этого, бабушками-то не богаты ни я, ни Клим. У меня из родни одна тетя, у него вообще никого. Так что только и осталось нам поездить до осени.

— До какой еще осени, чудо? Что, и рожать будешь в лодке?

— А это как получится! — беззаботно рассмеялась Вика, чувствуя, как малыш шевельнулся внутри. Робко пока, едва ощутимо.

— Ох, шальная, — Таня с улыбкой покачала головой. — Вся надежда на то, что Клим твой серьезнее.

Клим! Конечно, серьезнее! При упоминании о нем Вика просияла. Таня засмеялась, глядя на нее:

— Вы, наверное, дома даже лампочки в люстру не вкручиваете? Ты так светишься, что им до тебя... Кого ждете-то, мальчика или девочку?

— Мальчика. Тоже будет рыбак.

— Ну, это еще как сказать. Нашего вон из-за компьютера за уши не оттащить. А если оттащишь, то он будет весь день нудить. Так что ездим с Матвеем вдвоем.

Рублев тем временем помахал жене:

— Эй, студентка! Поехали машину ставить на парковку!

— Пойду, — кивнула Таня Вике. — Я права все-таки решила получить, на этой неделе сдаю, вот Матвей меня и гоняет, а то я с задней передачей не справляюсь.

— Ну, иди! А мы как раз в лодку загрузимся и причал вам уступим.

Женщины разошлись. Таня пошла к машине, а Вика вернулась на причал. Судя по донесшемуся сюда звуку, Клим уже открывал «сухопутную» дверь их бокса. Металлические лодочные боксы стояли вплотную друг к другу, как обычные гаражи в каком-нибудь ГСК, только у самого берега. И имели две двери: одна, с наружным замком, вела с дорожки в бокс, а другая, отпираемая изнутри, открывалась прямо на воду. Сейчас Клим повернет рычаг, механизм сработает, и лодка плавно соскользнет со стапеля в озеро. Точнее, вначале в маленький док, где будет дожидаться хозяина. Вика встала посреди причала, высматривая, когда появится лодка. Туман начинал понемногу редеть, так что шансы ее увидеть были. Только вот Клим что-то задерживается. Порядок, наверное, наводит...

Внезапно яркая вспышка ослепила Вику. В то же мгновение уши заложило от грохота, и чудовищная сила швырнула ее на ставший мокрым бетон.

Сознание то включалось, то выключалось, хватывая из реальности отдельные фрагменты. Выныривая из небытия, Вика слышала топот ног

и крики. Потом ее трясло, и руки болтались, будто чужие. Вика не могла их собрать, она попробовала, потом снова отключилась. Ее как будто куда-то бегом несли, и женский голос настойчиво звучал над ухом: «Быстрее, Матвей! Ну, скорее же!» Потом был рев мотора, к которому вскоре присоединился отвратительный, всверливающийся в мозг вой сирен. Затем колеса грохотали уже без мотора, как будто кто-то катил тележку по каменному полу. Вика не понимала, откуда мог взяться камень, ведь они же должны быть на озере... Попыталась открыть глаза и увидела стремительно несущийся над ней потолок с огнями ламп через равные промежутки. Потолок?! Вика успела удивиться, снова теряя сознание. Потом свет взрезал ей глаза, и чьи-то голоса зазвучали над ней совсем близко, холодные, деловые. Как будто диктор вещал, но не с экрана, а из хорошо освещенной пещеры, создающей эхо. Вика отворачивалась от него, ей не хотелось слышать этот голос, потому что она силилась понять слова и не могла. А вскоре рядом с ней раздались резкие и противные металлические звуки, и у нее возникло ощущение, как будто кто-то вырывает из нее внутренности. Она вскрикнула и попыталась вскочить, но вместо этого снова потеряла сознание.

Очнулась Вика в незнакомой комнате, освещенной лишь висящим на стене ночником. Где-то отчаянно кричала женщина, но не здесь, а как будто откуда-то сверху. Потом кто-то сказал несколько слов, и она замолчала, но не сразу. Вика еще какое-то время прислушивалась, прежде чем

поняла: все, больше криков не будет. Она облегченно вздохнула. Огляделась, пытаясь понять, где она. По всему выходило, что либо в гостиничном номере, либо в больнице. Вика наморщила лоб, пытаясь понять, что же случилось на озере, и собрать воедино отрывочные кадры, которые успели ей запомниться. От напряжения в висках сразу застучало, по голове начала расползаться боль. А вот в животе, наоборот, было как-то пусто. Непривычно пусто и тихо. С испуганным всхлипом Вика схватилась за живот.

— Викуля?! — Над тумбочкой показалась растрепанная голова. — Очнулась, солнышко!

Лена, мамина младшая сестра, вскочила со стоящего за тумбочкой топчана и кинулась к ней:

— Как ты, моя дорогая?!

— Лена, что с малышом?!

— Викуля. — Тетушка взяла ее за руку. — Ты еще молодая, у тебя все впереди. У тебя еще будут дети...

Дальше Вика не слушала. Выгнувшись в кровати и запрокинув голову, она захлебнулась воем раненой волчицы.

— Викочка, тебе нельзя волноваться! — кудахта-ла рядом тетюшка, но Вика корчилась, как в столбняке. Потом на крики прибежали люди в белых халатах, сделали в вену какой-то укол...

Второй раз Вика очнулась уже днем. В той же одноместной палате, где стоял топчан для Лены. Тетушка сидела рядом с кроватью и держала Вику за руку, глядя на нее заплаканными глазами.

— Что с Климом? — встретив ее взгляд, спросила Вика. Голос прозвучал едва слышно: в груди

как будто образовался вакуум, не давая нормально выдыхать. Но Лена угадала вопрос по губам. Да и о чем еще Вика могла спросить?

— Клим... Он в травматологии. Это этажом выше, — принялась объяснять тетушка. — Ты же лежишь в гинекологии. Тебя сильно контузило, но положили именно сюда, а не в травму, потому что ты много крови потеряла... по женской части.

— Как Клим?

— Не очень. Но держится. Как только кто-то из вас немного окрепнет, так и навестит другого. А пока отдыхай, Викочка, отдыхай.

— А что случилось на озере?

— В одном из боксов взрыв произошел. Может, баллон с газом рванул. Этим теперь следствие занимается. Тебя взрывной волной ударило очень сильно. Хорошо, что ваши знакомые Рублевы оказались рядом. Ты, Викуль, им жизнью обязана. Они не растерялись и сразу кинулись с тобой в больницу. Только благодаря этому и спасли. Ты ведь кровью истекала, счет шел на минуты. Они так летели, что за ними даже гаишники погнались. Вначале чуть до перестрелки не дошло, но потом патрульные сами тебя сопровождали двумя машинами, расчищая дорогу.

Вика прикрыла глаза. Вот он откуда был, этот пронзительный вой сирен. Ее везли...

— А Клим? — тут же встрепенулась она. — Его тоже Рублевы забрали?

— Его на «Скорой» увезли, — Лена всхлипнула. — В общем, вот так. Ты отдыхай, Викуль, наби-

райся сил. Тут следователь тобой интересовался, хотел тебя опросить.

— Да мне и сказать-то ему нечего...

Где-то над головой снова раздался крик женщины, отчаянный и протяжный.

— Что это?! Откуда?! Лен, ты слышишь?!

— Это с другого этажа, там больная тяжелая, — успокоила тетушка. — Я уже узнавала. А крик слышно по вентиляции. Сейчас ей укол сделают, и она успокоится.

— Ясно. — Вика откинулась на подушки. Помолчала, прислушиваясь к своим ощущениям. И спросила: — Лен, а с Климом точно все в порядке? Мне кажется, что нет. Я чувствую это!

— Как же не чувствовать, Викуль? Он ведь тоже пострадал. Но ты не спрашивай ни о чем, мне врач вообще с тобой много разговаривать запретил. Отдыхай, Викуль. Отдыхай.

Вика послушно закрыла глаза. Но сон не шел. Она слышала все, что происходит вокруг: как кричит, успокаиваясь, женщина на верхнем этаже, как кто-то ходит по коридору мимо дверей палаты. Медленно и шаркая — наверное, больные, и быстро, деловито — наверное, медперсонал. И как тетя Лена тихонько возится в палате, время от времени хлюпая носом... Впрочем, какая она «тетя»? Среднего роста, стройная, с короткой модельной стрижкой, никак она не тянет в Викином представлении на это звание. Обычно Вика звала ее просто по имени или, очень редко, тетушкой. Ведь Лена была младше мамы на десять лет, а значит, старше Вики всего на пятнадцать. Мама

родила Вику в двадцать пять. То есть, удивленно подумала Вика, была тогда примерно в таком же возрасте, как и она сейчас... ну, на год старше... Может, и у нее еще получится родить через год? Появится долгожданный малыш, за которого она пойдет в огонь и в воду? Так же, как пошла за Вику мама...

Мама... Ей тогда было всего сорок пять. В тот страшный вечер, когда они с Викторией возвращались домой через старый парк и на них напала банда из пятерых подонков. Трое из них, хохоча, схватили Вику и потащили куда-то. Она вырывалась отчаянно, как только могла, хорошо понимая, зачем они ее тащат, но силы были неравны. Ее повалили на траву, на ней рванули блузку, когда вдруг, перекрывая их мерзкую возню, раздался мамин голос, звонкий и чистый:

— Стойте!!!

Она сказала это так повелительно, что заставила подонков оглянуться. И замереть: мама стояла с ножом. С тонким стилетом, который она ухитрилась выхватить у кого-то из тех двоих, кто кинулся к ней. Те двое тоже замерли в одном-двух шагах от мамы. И с интересом ожидали, что же будет дальше, прекрасно понимая, что десять раз успеют обезоружить эту смешную тетку с ножом.

Но тетка не собиралась с ними воевать, прекрасно понимая, что силы не равны. Вместо этого она сказала:

— Оставьте девочку. Мне нечего предложить вам взамен, у меня нет ни денег, ни золота. Есть лишь сердце матери. И я вам его отдаю.

Никто ничего не успел сообразить, когда хладнокровно приставила левой рукой тонкое лезвие к своей груди, а правой с силой ударила по рукоятке стилета.

— Мама!!! — Вика отчаянно рванулась к ней. Никто не пытался ее удержать, вмиг протрезвевшие подонки сами кинулись следом. И пока Вика захлебывалась слезами, упав на колени перед телом, кто-то из них тряс маму, надеясь, что та еще жива, а кто-то настойчиво пытался докричаться до Вики:

— Она сама! Ты же это видела?! Она сама!!!

Пятеро негодяев сами вызвали полицию. Вика вынуждена была подтвердить: да, мама сама это сделала. Объясняла и причину, но повинных в маминой смерти мерзавцев все равно не осудили на всю оставшуюся жизнь, как они того заслуживали: мол, состава преступления не было! На Вике они всего лишь разорвали блузку, а то, что именно они собирались с ней сделать, невозможно было доказать. Вика места себе не находила от такой несправедливости, но поделаться ничего не могла. Разве что накинуться и в кровь разбить лицо Андрею Смирнову, одному из пятерых, который уже после суда посмел к ней приблизиться и заговорить. Он не сопротивлялся, лишь заслонялся руками как мог. А потом подкараулил Вику, когда она возвращалась с работы. И еще подошел за новыми синяками, не успев свести старые. Постепенно Вика перестала бурно реагировать на его появление и даже с ним более-менее нормально общалась до тех пор, пока не встретила Клима. Потом уже